

ПЛАЧ ПО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Эссе

ЭТО было неправильное время, и, наверное, поэтому я нёс не бидон, а «битон».

Может быть, слово «битон», разошедшееся в народе и закрепившееся в словарях как неправильное, стоило уравнивать в правах с правильным «бидон»? Ведь правильное слово «тоннель» несколько не пострадало оттого, что благодаря товарищу Сталину уравниво в правах со словом «туннель».

Впрочем, вернёмся к тому, что я несу трёхлитровый «битон» молока в военный городок. Я ношу молоко туда каждый день, причём в такую рань, что зачастую на бледно-голубом снегу мои чернильные следы от валенок проявляются самыми первыми. Я ношу молоко на продажу, но деньги получаю в конце месяца.

Мне надлежит посетить **два барака и коттедж**. В бараках я переливаю молоко в литровые банки, которые стоят на тумбочках рядом с входной дверью и ухожу. В коттедже — обязан постучать в дверь квартиры и оповестить — молоко!

Сегодня пятое марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Вся страна в трауре, я произношу мысленную речь с мировой трибуны всего человечества.

Дорогие товарищи всего мира, всех самых маленьких и самых больших стран — мы понесли невосполнимую утрату, умер наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин. Давайте же все вместе поклонимся, что его дело мы продолжим, и оно будет жить в веках.

Вдали я увидел два пятнышка — тёмно-бордовое и тёмно-зелёное, и тут же позабыл о любимом вожде и учителе. Ко мне приближались: в тёмно-бордовом пальто — **Галина Филь** и в тёмно-зелёном — **Светлана Георгобиане**.

Наверное, я был влюблён в них, потому что уж очень стеснялся. Боялся поднять глаза — краснел, бледнел и даже начинал заикаться. Мне было стыдно оттого, что мы, колхозники, очень бедны. И всякий раз, встречаясь со школьниками, в том числе и одноклассниками, я чувствовал, что «битончик» с молоком на продажу не только напоминает, но и как бы оповещает всех о нашей бедности.

«Бедность — не порок». Эта поговорка вдалбливалась с раннего детства. Однако, встречаясь с Галиной Филь и Светланой Георгобиане, ученицами из параллельного пятого «А» класса, я чувствовал, что хотя бедность и не порок, но и достоинством её не назовёшь.

Ещё на расстоянии они узнали меня. Стали переглядываться между собой, улыбаться, а когда поравнялись — приостановились. Я тоже приостановился.

— Ты почему сегодня так поздно? — строго спросила Галина Филь, не скрывая весёлого озорства.

Высокая, едва ли не выше меня ростом, гибкая как тростинка — глаза чёрные, блестящие. Лицо иссиня-белое, на щеках румянец, а над верхней, припухшей губой уже проступающий пушок дамских усиков.

— Проспал, — с виноватым вздохом вполне серьёзно признался я.

Моё признание настолько сильно развеселило подруг, что они расхохотались. Потом опомнились.

— Поторопись, а то опоздаешь в школу, — подавляя улыбку, сказала Светлана Георгобиане и своими большими глазами из-под пушистых век как будто прикоснулась к моим глазам.

Почувствовав внезапное головокружение, я переложил «битончик» в правую руку, а левой прикрыл глаза.

— Что с тобой?! — разом обеспокоились девочки.

— Ничего, это просто так, — ответил я и заторопился.

Они смотрели мне вслед, а когда я оглянулся, засмеялись настолько обрадованно, что их радость стала бурлить и в моей душе, я почувствовал, что у меня выросли крылья.

Дорогие товарищи всего мира, всех самых маленьких и самых больших стран, слушайте и запоминайте: Галина Филь и Светлана Георгобиане — самые лучшие, самые стоящие девочки на свете. Если начнётся война, а без товарища Сталина она может начаться в любую минуту, я пойду на войну. Я буду защищать и маму, и папу, и сестёр, и братьев, и многих других советских людей, стоящих рядом с Галиной Филь и Светланой Георгобиане. И вот когда они уви-

дят, как хорошо я их защищаю, они скажут: надо же, он учился с нами в одной школе, в параллельном пятом, а мы даже не знали, что он — герой. На глаза им навернутся слёзы обиды за свою близорукость, но я их утешу — вы так думали обо мне при товари-

Мне было жалко Яшу Хазова, и я понимал, что моя жалость — это вопиющее предательство по отношению к товарищу Сталину.

ще Сталине, потому что при нём никто не ошибался, он думал за всех нас, а теперь, без него, вы немножко ошиблись — не отчаивайтесь, это даже хорошо.

Мне так понравилось мечтать, что возле ограды военной автоколонны, в том месте, где дорога в

гарнизон раздваивалась, я свернул не направо (самая короткая и самая удобная дорога), а налево, в обход оружейных складов. По этой дороге я ходил, когда на меня вдруг накатывал страх своей социальной неполноценности, и тогда, чтобы избежать встречи с Галиной Филь и Светланой Георгобиане, я шёл в окружную. Теперь же, напротив, свернул за склады, чтобы продлить радость встречи с ними. Однако для сладких мечтаний и эта дорога была короткой.

Разнеся молоко, я возвращался домой так энергично, что обгонял многих одноклассников. Впрочем, я ничего не замечал, мои ноги как бы гнались за моими фантазиями.

Уже дома, собирая учебники и тетради (я носил их под мышкой — благо школа через дорогу), обратил внимание, что идёт снег. Снежинки большие, мягкие и ещё какие-то тёплые, словно хлопья ваты. Они обильно таяли, но я побежал через улицу не потому что опасался за учебники и тетрадки — во мне продолжала бурлить радость встречи с Галиной Филь и Светланой Георгобиане. Сегодня они впервые заговорили со мной и даже выразили некое сочувствие, которое я воспринял как симпатию к себе.

Когда вбежал в коридор школы и вытирал ноги возле гардеробной (самое бойкое место), меня поразила не тишина даже, а подавленность, лёгшая как бы на все предметы вокруг. Из залы, за перегородкой, слышался плач. Навстречу мне вышли два старшеклассника — от них несло уборной и табаком. Они остановились, и один из них, взяв меня за подбородок, приподнял лицо.

— Ты, кажется, смеёшься? — сказал он.

— Нет, я не смеюсь, — ответил я.

За перегородкой плакал **Яша Хазов**. Юркий и весёлый, он так смешно раскрывал рот, когда я оглядывался (он сидел за партой сзади), что меня охватывали приступы смеха. Опасаясь учителя,

я прятался за спинами одноклассников, а когда опять оглядывался, Яша уже ждал меня — изображал караса на льду. Обычно нас обоих выдворяли из класса, чтобы мы посмеялись в коридоре. И мы смеялись.

Сейчас я поспешил к Яше, но меня остановили.

— Не утешай его. Его побил потому, что он смеялся, а это предательство, надо плакать, ведь умер товарищ Сталин, — сказал **Геннадий Катков**, сын директора школы.

Теперь я понял, почему вызвал у старшеклассников подозрение.

Хазов сидел на корточках, сжавшись в комочек и забившись в угол. Его, очевидно, били по лицу, потому что он сидел, закрыв портфелем голову.

— Яшка, не плачь! — крикнул я сорвавшимся голосом и побежал в класс.

Положив учебники в ящик стола, я сел и обхватил голову руками. Мне было жалко Яшу Хазова, и я понимал, что моя жалость — это вопиющее предательство по отношению к товарищу Сталину. Я не имел права думать ни о Хазове, ни тем более о Галине Филь и Светлане Георгобиане. И я заплакал.

Виктор СЛИПЕНЧУК

Об авторе

ИМЯ **Виктора Слипечука** — поэта, прозаика и публициста — хорошо знакомо читателям «Аргументов недели». Его публикации постоянно вызывают большой читательский резонанс. Прежде чем стать писателем, Виктор Трифионович Слипечук основательно поваялся в жизни. Работал геологоразведчиком, зоотехником, рабочим, моряком, рыболовом, строителем и нашим коллегой — журналистом. Можно сказать, он объездил весь белый свет. Богатый опыт, доскональное знание жизненных ситуаций, в которых действуют литературные персонажи произведений,

выгодно отличают его от «писателей-теоретиков». Слипечук всегда точно попадает в цель. А эта цель — интерес тех, к кому обращены его неординарные произведения. Святой интерес читателей.

Слипечук — русский писатель-интернационалист. Он считает, что у народов больше сходства, нежели различий. Книжки Виктора Трифионовича получили международное признание, они переводятся и издаются в странах СНГ и дальнего зарубежья — в Японии и Китае. Новый фантастический роман писателя «Звёздный спас» вышел в прошлом году.

Он о том, как в эпоху, чреватую глобальными кризисами и катаклизмами, сверхъестественные способности и чистота помыслов главных героев дарят людям надежду на новое небо и новую землю.

Буквально день назад, 13 апреля, завершилась Международная Лондонская книжная выставка. Там, в Русском павильоне, был представлен книжный стенд, посвященный творчеству Виктора Слипечука. Его книги вызвали большой интерес у посетителей выставки. Кстати, с произведениями писателя можно познакомиться на его сайте: www.slipenchuk.ru.